ДЕПАРТАМЕНТ ДУХОВНЫХ ДЕЛ ИНОСТРАННЫХ ИСПОВЕДАНИЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVIII — начало XX в.)

Е.А. Терюкова

Появление в России иностранцев протестантского исповедания началось в середине XVI столетия одновременно с распространением учения М. Лютера в странах Западной Европы. Еще при жизни этого религиозного реформатора в Москве появились первые протестантские общины[1]. Поток лекарей, аптекарей, торговых и военных людей, художников и ремесленников из охваченных Реформацией стран в Россию начался в последние годы царствования Василия Ивановича и принял более широкий размах в правление Ивана Грозного. Тогда же в России была учреждена британская фактория в Архангельске и Англиканская Церковь.

Приток иностранцев в Россию увеличился в годы Тридцатилетней войны. Некоторые из них были специально выписаны из-за границы на службу, другие искали убежища от преследований за религиозные убеждения. Видя в иностранных специалистах «пособников и споспешников в развитии общественной жизни», государство руководствовалось в своих действиях словами из ответа царя Федора Иоановича английскому послу Флетчеру: «Государю нашему до их веры и дела нет: многих вер люди живут в государя нашего государстве, всякий живет в своей вере»[2] — и предоставляло переселившимся протестантам свободу вероисповедания и богослужения с правом строительства храмов и назначения из-за границы пасторов.

В эту эпоху московское правительство, недоверчиво относившееся к духовенству Римо-Католической Церкви, взяло за правило принимать на службу из европейских стран преимущественно представителей протестантского вероисповедания[3]. Однако и тем, и другим власти решительно запрещали пропаганду и распространение среди населения своих вероучений и строго преследовали как распространение последних, так и уклонение в иную веру[4].

Управление иностранными исповеданиями на этом этапе еще отсутствовало. Отношение государства к ним определялось формулой «охранение господствующей Православной Церкви и невмешательство во внутреннюю церковную жизнь прибывающих в Россию иностранцев»[5]. Одним из первых законодательных актов, способствовавших оформлению юридического положения протестантских исповеданий, был манифест Петра I от 16 апреля 1702 г. о вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы исповедания. Петр I данным указом повелел, чтобы «всяк и каждый, имеющий намерение сюда [в Россию] ехать для поступления на службу... никоим образом препятствия или беспокойства причиненного не был» и принят был «со всякой милостью». С этой целью второй пункт манифеста провозглашал «введение свободного отправления богослужений всех других, хотя с нашей Церковью несогласных христианских сект».

Иностранным подданным для удовлетворения своих религиозных нужд предоставлялось право возводить церкви, совершать богослужения на дому и «принимать у себя всех тех, которые пожелают у него собираться для того, чтобы по предписанию всеобщего постановления Христианских Церквей единогласно восхвалять бога и таким образом отправлять богослужения»[6]. Вслед за вышеназванным указом государство предприняло первую попытку установить некоторый контроль над деятельностью евангелических общин, для

---

[1] См.: *Буткевич Т.И.* Протестантство в России: (Из лекций по церковному праву). Харьков, 1913. С. 1.

[2] См.: *Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии (далее — Управление делами...). Ярославль, 1898. С. 11.

[3] См.: *Красножён М.* Иноверцы на Руси: Положение неправославных христиан в России. Т. I. Юрьев, 1900. С. 74.

[4] См.: *Горчаков, проф.* Лекции по церковному праву, читанные в Санкт-Петербургском университете: 1894–1895 гг. С. 116.

[5] См.: *Кузнецов Н.Д.* Управление делами... С. 2.

[6] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее — ПСЗ РИ). Т. IV. СПб., 1830. С. 193, 194.

чего была учреждена должность суперинтенданта Евангелических церквей России, и начата работа по составлению «Справного устава церковного лютеранской веры». В 1721 г., с учреждением Святейшего правительствующего синода, вопросы, связанные с управлением и надзором за протестантскими общинами, перешли в ведение Синода и Коллегии иностранных дел. Кроме наблюдения за порядком в церковной жизни иностранцев и недопущения распространения их учения среди православных, вышеназванные учреждения выдавали разрешения на строительство церквей, проведение религиозных служб, на приезд в Россию иностранных духовных лиц.

В царствование Анны Иоанновны участие Синода в вопросах управления протестантскими церквами уменьшилось. Специально для них была учреждена Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, куда все реформатские и лютеранские общины должны были представить «на суждение» свои вероисповедания. Ко времени вступления на престол Екатерины II иноверная (так в XVIII–XIX вв. называли неправославные христианские вероисповедания) «церковная жизнь уже окончательно обосновалась на русской почве», что обусловило со стороны государства необходимость проведения комплекса мероприятий по ее дальнейшей организации[7]. 4 декабря 1762 г. Екатерина II издала указ, призванный увеличить поток переселенцев в Россию, а 22 июня 1763 г. был опубликован манифест, в котором всем прибывшим на поселение в империю предоставлялось «свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно»[8].

Понимая, что интересы инославных верующих в России требовали учреждения новых постоянных государственных органов управления, Александр I решил серьезно реформировать систему управления иностранными исповеданиями. 25 июля 1810 г. им был опубликован манифест о создании Главного управления делами «не греко-российских» исповеданий, в ведение которого входили вопросы, связанные с духовной жизнью последователей всех иностранных вероисповеданий. 24 октября 1817 г. был опубликован новый манифест Александра I, объявлявший о создании Министерства духовных дел и народного просвещения. Круг его обязанностей включал духовные дела всех вероисповеданий в России. Министерство должно было взаимодействовать с Синодом, Комиссией духовных училищ, Римо-католической духовной коллегией и Юстиц-коллегией. Для удобства делопроизводства учреждался специальный департамент духовных дел, в ведение которого передавались все дела неправославных вероисповеданий.

В 1824 г. после передачи дел греко-российского исповедания в ведение обер-прокурора Синода департамент духовных дел был переименован в Главное управление дел иностранных исповеданий, которое в 1832 г. под названием Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий вошло в состав МВД. В рамках этого департамента было сосредоточено все делопроизводство по устройству и деятельности неправославных религиозных обществ в России (исключение составляли Англиканская, Американская и Голландская церкви, изъятые из ведомства МВД и находившиеся под покровительством соответствующих посольств), а также составление законопроектов и уставов, регламентирующих юридическое положение неправославных религиозных обществ. Благодаря деятельности департамента в 1836 г. была закончена работа над Сводом уставов исповеданий иноверческих и православного, который должен был регулировать отношения Церкви и государства в России.

Новой вехой в истории отношений государства и протестантских исповеданий в России явилось издание в 1896 г. подготовленного в Департаменте духовных дел Устава духовных дел иностранных исповеданий, который зафиксировал юридическое положение перечисленных в нем общин на территории Российской империи. Устав закреплял главенствующее место Православной Церкви. Ее особое положение определялось тем, что в пределах России одна она наделялась правом «убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию своего учения о вере». Однако в нем указывалось, что все не принадлежащие к православию подданные государства и иностранцы, временно пребывающие в стране, пользуются правом свободного отправления своей веры и совершения богослужений. Но духовным и светским лицам иных иноверных и христианских исповеданий строжайше было запрещено «прика-

[7] См.: *Кузнецов Н.Д.* Управление делами... С. 4.

[8] См. там же. С. 141.

саться к убеждению совести не принадлежащих к их религии», в противном случае они подлежали преследованию и наказанию в соответствии с принятым законодательством.

Пятый и шестой параграфы указа оговаривали для инославных и иноверцев право беспрепятственного перехода в православие или по личному разрешению министра внутренних дел в «другое, такое же терпимое иностранное исповедание». Причем, как неоднократно разъяснялось Департаментом духовных дел, свободное исповедание перечисленных выше вероучений распространялось только на иностранных граждан, проживающих в России или принявших российское подданство. Тем самым возможность перехода русских из православия в какое-либо иное христианское исповедание практически полностью пресекалась[9].

Рубеж XIX–XX вв. в России был отмечен нарастающим общественно-политическим кризисом, который вылился в 1905 г. в первую русскую революцию. Религиозный вопрос был одним из самых острых в общественной жизни того времени. В российском обществе преобладало мнение о необходимости коренной реформы в сфере государственно-церковных отношений. 12 декабря 1904 г. вышел в свет Указ Николая II, в котором в целях усовершенствования государственного порядка «ставилась задача устранить религиозные стеснения и расширить права вероисповеданий»[10]. В нем, в частности, говорилось, что правительство считало необходимым «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям»[11]. Для выполнения указа Комитет министров поручил министру внутренних дел отменить все стесняющие свободу исповедания административные распоряжения.

Целиком этому же вопросу был посвящен Указ от 17 апреля 1905 г., призванный укрепить ранее обозначенные в Полном собрании законов начала веротерпимости. Указ впервые в истории России признавал юридически возможным и ненаказуемым переход из православия в другое христианское исповедание. По оценкам современников, он «не затрагивал общих руководящих идей российского законодательства и только несколько расширял прежние рамки привилегированных вероисповеданий» и в этом смысле был далек от действительного признания свободы совести. Он «понимал» веротерпимость ограниченно, так как последователь господствующего вероучения не подлежал преследованию только в том случае, если переходил в христианское же исповедание.

Отвечая на критику, Департамент духовных дел разъяснял, что все обвинения в адрес правительства происходили от смешения понятий свободы совести (la liberté de consience) и свободы исповеданий (la liberté de culte). Под первым следовало понимать «индивидуальное право исповедовать те или иные системы религиозных воззрений и принадлежать к исповеданию или вероучению, избранному единственно под влиянием влечений своей совести», тогда как свобода исповедания подразумевала «право публичного оказательства известного культа»[12].

В конце 1905 г. началась работа над новой редакцией собрания основных законов Российской империи, где были бы статьи о свободе совести и вероисповеданий, о равенстве всех религий и «подданных» независимо от вероисповедной принадлежности последних[13]. Но в окончательной редакции законов им места не нашлось, а на МВД было возложено поручение разработать новый проект религиозного законодательства.

17 октября 1906 г. появился Высочайший именной указ «О порядке устройства последователями старообрядческих согласий и отделившимися от православия сектантами общин, а также о правах и обязанностях сих лиц», призванный развить и конкретизировать положения Указа от 17 апреля 1905 г.

Анализ делопроизводства Департамента духовных дел иностранных исповеданий показывает, что российским законодательством начала XX в. под сектантством подразумевалась обширная и

---

[9] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 2. Л. 31.

[10] См.: *Одинцов М.И., Пинкевич В.К., Редькина О.Ю.* Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России: курс лекций. М., 1995. С. 47.

[11] См.: Правительственный вестник. СПб., 1904. № 2. 83. С. 2.

[12] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 314. Л. 7.

[13] См.: *Одинцов М.И., Пинкевич В.К., Редькина О.Ю.* Указ. соч. С. 45.

разноликая группа верующих, последователей как мистических, так и рациональных учений, отделившихся от официальных Церквей (Православной, Католической, Лютеранской, Реформатской или Англиканской) и не признающих церковной иерархии и Таинств. На практике это проявлялось в том, что к числу сектантов относились любые религиозные объединения, не зафиксированные Уставом иностранных исповеданий 1896 г. В соответствии со второй статьей вышеназванного указа сектантскими общинами считались общества последователей одного и того же вероучения, имеющие целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительских и благотворительных потребностей их членов, собирающихся для общей молитвы в молитвенном доме или ином предназначенном для этого помещении. Указ определял порядок их регистрации и права[14].

Понимая односторонность подобного указа, регламентировавшего порядок образования общин для старообрядцев и сектантов, отделившихся от православия, и оставлявшего за бортом законодательства массу религиозных общин, отпавших от инославных и иноверных исповеданий, тем же Указом от 17 октября 1906 г. император поручил министру внутренних дел «озаботиться скорейшей разработкой закона о сектантах, отпавших от иных христианских исповеданий».

В феврале 1907 г. МВД представило на рассмотрение II Государственной думы законопроект «Об инославных и иноверных религиозных обществах». Согласно проекту, последователи всех вероучений, не содержащих в себе чего-либо противного государственному устройству, получали право образовывать общества для совместного удовлетворения своих религиозно-нравственных потребностей[15]. В результате рассмотрения законопроекта в комиссии по вероисповедным вопросам ее члены пришли к выводу, что данный проект более основывался на теоретических соображениях, чем на реалиях религиозной жизни страны, и потому представлялся неудовлетворительным. Намеченные министерством предложения казались членам комиссии не отвечающими сложившимся условиям.

Комиссия высказалась за упрощение порядка образования, регистрации и прекращения деятельности вероисповедных обществ и религиозных общин, за расширение их прав в части отправления культа, религиозной пропаганды, строительства культовых зданий, приобретения имущества, учреждения учебных заведений и кладбищ. Однако она категорически отвергла принцип равенства всех вероисповеданий и идею отделения Церкви от государства[16].

7 декабря 1912 г. на основе высочайше утвержденного особого журнала Совета Министров МВД с целью пересмотра и доработки отозвало из Государственной думы законопроект «Об инославных и иноверных религиозных обществах». Одновременно с ним были сняты с рассмотрения в Думе и ранее представленные «Правила о порядке устройства последователями старообрядческих согласий и отделившимися от православия сектантами общин» от 17 октября 1906 г. Шесть лет работы Указа от 17 октября 1906 г.выявили много недочетов, допущенных при его составлении. Анализ, проведенный в Департаменте духовных дел, показал, что указ не касался важнейших сторон жизни сектантства. Например, существенным его недостатком было то, что, оговаривая положение таких протестантских общин, как меннониты и баптисты, он не содержал никаких упоминаний о других «инославных сектантских вероучениях», которые на тот момент были представлены в России довольно широко. Указ от 17 октября 1906 г. предоставлял сектантам право, а не обязывал, объединяться в религиозные общины и тем самым открывал для них возможность существования вне общины[17]. Подобная неполнота создавала предпосылки для существования малых религиозных групп на совершенно исключительных условиях, не встречающихся среди других исповеданий. Нередко допускалось толкование о предоставлении вышеназванным группам права

[14] См.: О порядке устройства отделившимися от православия сектантами общин, а также о правах и объединениях сих лиц // Правительственный вестник. 1906. № 230. С. 2.

[15] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 304. Л. 112, 113.

[16] См.: *Одинцов М.И., Пинкевич В.К., Редькина О.Ю.* Указ. соч. С. 49.

[17] По статистическим данным на 1912 г., правом объединения в религиозные общины воспользовалось лишь 20% российских сектантов. На июль 1911 г. в Санкт-Петербургской губернии не было зарегистрировано в соответствии с указом 1906 г. ни одного сектантского общества. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 3. Л. 184.

свободной пропаганды своих учений; отсутствие в Указе данных о порядке устройства сектантами религиозных собраний приводило к тому, что они стали использоваться верующими не столько для удовлетворения собственных религиозных нужд, сколько для привлечения на эти собрания лиц других исповеданий[18].

Принимая во внимание сказанное, МВД пришло к выводу, что существование и образование общин, состоящих из сектантов, отпавших как от православия, так и от инославных и иноверных вероисповеданий, с точки зрения государственной, должно допускаться на одинаковых условиях, тем более, что на практике далеко не всегда представлялось возможным установить первоначальную вероисповедную принадлежность той или иной группы сектантов. В связи с этим «в целях выработки единообразных правил для обеих категорий сектантов» МВД считало целесообразным провести переработку законопроекта 1907 г. «Об инославных и иноверных религиозных обществах»[19].

В качестве новой главной задачи МВД видело перед собой выработку «общего и единообразного для всех вообще сектантов» законопроекта. В работе над ним предполагалось исходить из следующих принципов: 1) правовое положение всех сектантов должно определяться теми же основаниями, что и правовое положение инославных исповеданий; 2) центральным понятием нового закона должно стать понятие религиозной общины, под которой должна пониматься приходская организация с молитвенным домом и духовным наставником; 3) действие нового закона должно распространяться на всех сектантов, как отпавших от православия, так и отделившихся от инославных исповеданий[20].

Характеризуя новый законопроект о сектантских религиозных обществах и общинах, Министерство указывало, что он был «составлен в соответствии со всей совокупностью... духовных, общественных и политических запросов и стремлений сектантства и согласован с интересами государства»[21]. Новый законопроект подвергал существенному пересмотру всю систему юридических норм. Прежде всего устанавливалось точное разграничение таких важнейших понятий, как вероисповедание, религиозное общество и религиозная община. Важно отметить, что новый законопроект запрещал избирать на должность проповедника или наставника иностранных лиц; только «в особо уважаемых случаях», когда отпавшие от инославных и иноверных исповеданий сектанты не располагали наставниками — российскими подданными, Министерство могло разрешить их избрание из иностранцев.

В данном вопросе закон продолжал политику государства по отношению к иностранным духовным лицам, которая была начата ранее. В начале XX в., с точки зрения МВД, подобная практика стала особенно необходима. Как показывали материалы, собранные Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, успешная интенсивная деятельность российского сектантства по распространению своего учения в значительной степени была обязана «частым наездам иностранных проповедников» и той материальной и моральной поддержке, которую оно получало из-за рубежа[22].

Государственная дума не успела рассмотреть этот вероисповедный законопроект, ибо разразившаяся Февральская революция в корне изменила общественно-политическую ситуацию в стране.

© Терюкова Е.А., 2010

[18] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 304. Л. 115.

[19] Там же. Л. 32.

[20] Там же.

[21] Там же. Л. 186.

[22] Там же. Д. 1. Л. 117.